

яркое и полное выраженіе? Наврядъ ли. Новая жизнь вноситъ новые взгляды, создаетъ новые идеалы, находитъ и новыя формы, въ которыя выливаются они. Идея же Фауста, по гибкости своей, представляетъ возможность цѣлаго ряда видоизмѣненій, согласно съ духовнымъ развитіемъ культурнаго человѣка. Вѣроятно, со временемъ измѣнится и преобладавшій до сихъ поръ взглядъ на „Фауста“ Гёте; поэтическая оцѣнка его будетъ строже отдѣляться отъ „Фауста“ какъ символа. Но пока общество живетъ той усиленной жизнью мысли, которая отразилась въ міровомъ произведеніи, типъ героя будетъ служить представителемъ стремительнаго и неудовлетвореннаго человѣка, а произведеніе Гёте и въ дальнемъ будущемъ—эпизодомъ въ великой драмѣ человѣческаго духа. Если каждый этапъ на пути прогресса и отмѣченъ неизбѣжной и роковой катастрофой, которая ждетъ человѣка каждый разъ, когда онъ заявляетъ абсолютныя требованія, то онъ обогащаетъ его и ширью кругозора въ томъ духовномъ царствѣ, которое все болѣе открываетъ ему свои сокровища, въ которомъ все болѣе получаетъ онъ права гражданства.

Что „Фаустъ“, какъ произведеніе германское, должно было найти самыя сильныя отголоски въ нѣмецкой литературѣ,—очевидно. Но чѣмъ объяснить полное отсутствіе Фауста въ романскихъ литературахъ? Развѣ сфинксъ не всему человѣчеству бросилъ свою загадку, или не всѣхъ одинаково волнуетъ эта загадка?

Въ первобытномъ состояніи народъ облакаетъ рѣшеніе ея въ миѳы и образы, и, задумываясь надъ началомъ и концомъ бытія, создаетъ свои поэтическія толкованія, какими бы мы именами ни назвали ихъ: стихомъ ли о Голубиной Книгѣ и О страшномъ Судѣ, или Вессобрунской Молитвой и Муспилли, соответствующими произведеніями германской древности. Впослѣдствіи онъ ищетъ успокоенія въ догматѣ; наконецъ, въ періодъ зрѣлаго мышленія, разумъ отбрасываетъ простыя, уже готовые, рѣшенія, и онъ ищетъ рѣшенія новаго, основаннаго на томъ же разумѣ. Тогда возникаютъ философскія системы, тогда создаются и Фаусты; создаются тамъ, гдѣ метафизическая мысль, по отвлеченности своей, даетъ туманные результаты, а мысль общественная нуждается въ формѣ для метафизическихъ изысканій. Но тамъ, гдѣ даже отвлеченная мысль отчетлива и образна, гдѣ писатель только вводитъ общество въ такія области, которыя изслѣдованы и ярко освѣщены разумомъ, гдѣ, наконецъ, непоколебимый догматъ даетъ рѣшительный отвѣтъ, когда спекулятивная философія вотще вопрошаетъ—тамъ нѣтъ и Фаустовъ.

У итальянцевъ есть свой Вертеръ, но Фауста нѣтъ. Уго